

МУХТАР АУЭЗОВ одним из первых среди деятелей культуры Советского Востока был удостоен Ленинской премии. Еще при жизни он обрел славу мастера, а теперь имя его перешагнуло географические границы, и вот уже многие писатели Азии, Африки зачитывают романом «Путь Абая», называют имя казахского писателя в ряду своих литературных учителей.

Я был подростком, когда он умер, и мне, как и моим сверстникам — писателям, родившимся после войны, не довелось видеть его, слышать его знаменитые лекции. Но мы, все мы, вне зависимости от «стилей» и «направлений», тоже считаем себя его учениками, ибо «путь Ауэзова» — это истинный путь нашей национальной литературы.

Недавно мне пришлось работать над составлением одностомника Мухтара Ауэзова для издательства «Художественная литература». Прямо скажем — нелегкая работа. Хотелось, чтобы книгу мастера читали с нарастающим интересом, пленяясь мыслью и слогом, горьким смехом и яростными слезами. Я должен был выбрать из лучшего лучшее, и это было самым трудным в моей работе; низать новое ожерелье из алмазов и жемчужин, уже явленных читающему миру. Временами я приходил в отчаяние. Как уместить все это в один том? Как достойно представить громадное его наследие? И тогда мне на выручку приходил сам мастер: его представления о реализме, о высшем смысле искусства. Не острый профессиональный взгляд, не холодный разум определяют и создают ценность произведения, а мысль и душа его творца. Поняв это, я еще раз убедился в том, что настоящая явление искусства никогда не открывает сразу своих тайн. Прочитывая заново шедевр, каждый раз открываешь в нем ранее не замеченное и не угаданное.

Перечитывать — значит, прочитывать. Может быть, именно сейчас мы по-настоящему прочитаем «Лихую» и «Дос-Бедел Дос», вещи Ауэзова, которые не потускнели от времени, несмотря на то, что «Лихая година», впервые опубликованная в 1928 году, лишь через 40 с лишним лет обрела новое звучание на страницах «Нового мира», а с «Дос-Бедел...», равно как и с пьесой «Хан Кенен», дело до сих пор неясно. Ни Министрство культуры, ни другие высокие организации республики не могут толком объяснить, почему же нельзя показать их зрителю даже сейчас, когда в центре Алма-Аты выстроен Академический театр драмы, носящий имя автора этих пьес, и перед театром на высоком постаменте сидит в кресле он сам — бронзовый задумчивый человек с лицом мудреца.

Слушать Ауэзова, говорить с ним, полностью вернуть его нам — насущная потребность нынешнего открытого, воистину революционного времени, когда страна наконец-то отторгает шелуху словоблудия, когда лопаются дутые авторитеты и можно засучив рукава продолжать работу без вечного втягивания головы в плечи при виде начальства.

«Как же отличить, распознать истинно современное от злободневно-однодневного, как побороть искушение (а иногда и неопытность) реагировать на

наиболее броское, «шумное», поверхностное, поглощающее сегодня всеобщее внимание, обреченное завтра на столь же всеобщее забвение? Как сквозить обильную пену разглядеть бурный жизненный поток? Высоко воспитательное назначение литературы — писатель верный помощник партии. Эту свою миссию мы иногда рассматриваем чересчур однобоко, как задачу умиляться окружающим, обходить острые углы и жгучие проблемы. А ведь сама партия дает нам пример революционного реализма и мужества в подходе к действительности. Мы порой почему-то стыдимся дать волю мечте, крылатой мечте о желанном лучшем. Мы стесняемся громко, во всеулышание отвергать вредное, отсталое, что еще наличествует в нашем бытии и сознании. И напрасно! Ведь мы мечтаем о совершенном мире и человеке, ведь мы критикуем во имя великого завтра. Как же избавиться от этого самогипноза, бескрылой робости? Разве может взволновать, увлечь читателя книга приземленная, «близорукая», не согретая прекрасной мечтой?»

Кажется, что эти слова сказаны Ауэзовым сейчас, а не двадцать шесть лет назад, когда смерть уже стояла на его пороге.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что годы после XX съезда партии были лучшими годами его жизни. Он закончил «Абая», приступил к созданию романа о современной жизни страны, который по объему мысли и глубине охвата действительности мог бы стать подлинным монументом социалистической жизни республики. Начали переиздаваться его повести и рассказы, напечатанные арабским и латинским шрифтом еще в двадцатых—тридцатых годах. Появление этих вещей Ауэзова стало подлинным откровением для читателей, изголодавшихся по правдивому, честному слову. Такой прозы мы, только-только начинавшие делать первые шаги в литературе, еще не знали. Но и писатели более старшего поколения были потрясены феноменом «раннего Ауэзова». Вот что писал позднее в предисловии к роману «Лихая година» Чингиз Айтматов:

«Большее всего удалось Мухтару Ауэзову, на мой взгляд, изображению кристаллизации, вызревания стихийной народной волны, движимого извечным чувством борьбы за справедливость, за свободу и собственное человеческое достоинство. Тогдашний молодой Ауэзов сделал это по крупному художественному и историческому счету, с передовых, революционных, классовых позиций своего времени».

Писатель, которому было уже за шестьдесят, как бы обрел второе дыхание. Он спешил жить, он много работал и много ездил по южному Казахстану, по крупицам собирая материал для романа, он готовился к долгой жизни. Но смерть всегда приходит слишком рано, и замыслы мастера были прерваны ею. Можно только гадать, каких высот достиг бы он в своем «Племени младом», если бы успел закончить роман, зачин которого эпически нетороплив, мудр и виртуозен, однако другие, незавершенные или не выправленные рукой Ауэзова главы, говорят о том, что нить размышлений мастера оборвалась на полпути, что он так и не успел донести до нас во всей своей полноте раздумья и надежды современного казаха — основного героя романа.

И все же сделанное сделано. Несмотря на то, что название «Племя младое» требует, на мой взгляд, подзаголовка «неоконченный роман», уже сам замы-

сел, освященный даром Ауэзова, сыграл важную роль в нашей культурной жизни, многое, если не все, дал молодой интеллигенции вообще и новому поколению казахских писателей в частности.

Да и старшее поколение, ориентируясь на высоты, которых достиг Ауэзов в своем творчестве, понимало, как это не просто — не только называться, но и быть писателем. Ауэзов же был, есть и будет настоящим. Таким же, как и великий Абай, — родником, питающим казахский народ, казахскую культуру.

Календарь

К 90-летию
со дня рождения
Мухтара Ауэзова

ПОКЛОН МАСТЕРУ

В связи с этим мне вспоминаются слова Чехова: «...боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место... Без него бы это было беспастушное стадо...»

Как славно и дружно начинала в двадцатые — тридцатые годы наша молодая казахская литература! Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Джансугуров... Родоначалники советской казахской литературы, они погибли в трудное время от лжи и наветов, и чья в том вина, что от них навечно осталась лишь «ранняя проза»? Плечом к плечу стояли они вместе с Мухтаром Ауэзовым, хотя он и тогда уже выделялся среди них, ибо был к тому времени выдающимся мастером прозы, замечательным драматургом, пытливым ученым. Но их не стало, он чудом уцелел, хотя тоже хлебнул лиха, испытал и тяжелую горечь непонимания, и обидные гонения. Осиротевший Народ с надеждой глядел на него, и он трудился без устали, как бы чувствуя и зная, что работает и за тех великих представителей казахской литературы, чей земной путь оборвался так рано. Не отсюда ли сила и мощь его произведений, выдержавших самое строгое испытание — испытание временем? Произведений, которые стали частью жизни народной, ибо именно народ принял их, взял под свою защиту.

Абай и Ауэзов. Как много между ними общего! Ведь я поэзия Абая безоговорочно принята народом, как всегда бывает, когда стихи пишутся сию минуту, но на века, рассеивая мглу и озаряя путь не одному, а многим поколениям.

«Пойми, что загадкой я был, искал пути в бездорожье, бился один на один, не обессудь!»

Это — Абай, первооткрыватель подлинной музыки и философии казахского стиха, а вслед за ним — Мухтар Ауэзов, блестяще выполнивший художественную

задачу в осмыслении жизни народа с большим историческим прошлым. Не только прилежный ученик Абая, но и человек, перенявший от него эстафету духа казахской культуры, всего ее многообразия. Ибо произведения Ауэзова нельзя расчленить, как мы порой пытаемся это сделать, вымеряя долю новаторства и традиционности в его вещах. Ибо Ауэзов — это подлинная связь времен, органическое слияние прошлого с настоящим и настоящим с будущим. Естественность при всех колебаниях литературных «измов» — это та возвышенность, что не подвержена действию приливов и отливов.

Четверть века минуло со дня его смерти, но лишь теперь он осязается нами во всю свою исполинскую мощь, со всеми своими взлетами и падениями, ошибками и сомнениями. И разве возможно, чтобы жизнь творца была ясна и безоблачна? А Мухтар Ауэзов был подлинным творцом еще и потому, что неистовые и несокрушимые, мудрые и нежные сплетения характеров в эпопее «Путь Абая» несомненно повлияли и на наш национальный характер, прибавив ему упорства, трудолюбия, честности.

Писатель, ученый, общественный деятель... Работая в Комитете по Ленинским премиям, он горячо поддерживал тогда еще молодых Расула Гамзатова и Чингиза

за Айтматова; депутат Верховного Совета, он равнодушно относился к своим обязанностям.

Роль и место его в космосе советской и мировой культуры... Недавно мне довелось быть в Финляндии, и я заговорил с финскими литературоведами о предстоящем юбилее Ауэзова, о том, что значит он для нашей страны. Наши финские друзья удивились, узнав о том, что Айтматов называет Ауэзова своим учителем. Они связывали имя замечательного киргизского романиста скорее с латиноамерикан-

«Это неважно, что он умер. Он жив...» Слова, которые, пожалуй, можно отнести и к самому Ауэзову, ибо его эпопея «Абай» — голос казахского народа, голос истории народных мечтаний, чаяний и надежд. Кровавый путь страдания и мук народа, прошедшего этот путь в надежде на светлое будущее. Создавая великий роман об Абая, показывая крушение старого кочевого мира, писатель Ауэзов шел от мира к человеку, а не наоборот. Именно человек — вместилище и точка приложения мировых сил, именно от человека, каким бы он ни был «маленьким», зависит все в этом мире. Художественная мысль Ауэзова, черпающего из бездонного колодца жизни содержание и философию своих произведений, создает сугубо национальные характеры, и образ Абая становится в ряд с выдающимися образами, созданными писателями иных стран и иных времен, приобретая тем самым общечеловеческое значение. Абай, который в конце своей жизни потерял любимого сына Абиша, а через сорок дней и другого сына, замечательного поэта Магаша, умершего от чахотки, затем любимых с детства друзей Ербола и Базаралы, он, этот Абай, сложенный утратами и душевными страданиями, измученный болезнью и тоской, лежит в постели, и вот какие горькие слова вырываются из его уст:

«Кругом ограблен я жизнью! Стою один, как могила шамана. Кто у меня есть и что мне осталось?.. О, злосчастное время мое, какой только пыткой ты меня не терзало?.. Есть ли еще яд, но его я не отведал?.. Смотрите в сердце мое, есть ли живое место на нем?.. В чем вина моя, тяжкий грех, чтобы так страдать безысходно?.. Или много мне и того, что все еще бьется печальное мое сердце?.. Вот настала кончина моя, только ты было ее свидетелем, и к тебе мое слово. Ты видело и расцвет мой, и гибель мою. Необъятное, отвечай! Пусть я умру, но останется ли жить потомство мое? Взмошла ли юная поросль от семян моих, которые ежегодно уносил ветер? Хоть одно из них прорастет ли на дне врага, потнется ли к небу молодое своей вершиной и, когда придет срок, отдаст ли земле плоды свои?..»

В последний раз раскрывает он свою великую душу, обращаясь к высокому существу небу.

Таков реализм и Абая, и Ауэзова, который вывел литературу казахова на путь правдивого изображения жизни. Абай и Ауэзов навсегда останутся вместе в нашей литературе. И пускай давно уже нет великого Абая, и нет Мухтара Ауэзова, но были, есть и будут их потомки. Равно как и потомки всех других сынов степи, познания Родины которыми напрямую связано с героями, созданными рукой Ауэзова. Его произведения — как сама жизнь, как полноводная река, как движение солнца и луны по небосклону, как степная трава, медленно поднимающаяся, но бурно колеблющаяся на ветру.

Личность Ауэзова грандиозна. Ясность его безупречна.

Низкий поклон мастеру за его главный урок: высока ответственность писателя перед родной землей и ее народом, который не терпит ни единого слова фальши и сам назначает себе духовных вождей, определяет властителей дум.

Одним из которых и является наш Мухтар Ауэзов.

Р. СЕЙСЕНБАЕВ